

Примечания

¹ Дневник Яна Сапеги (1608–1610 гг.) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, А.Б. Плотников, Н.А. Тупикова. М.; Варшава, 2012.

² Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб., 2003. С. 59.

³ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 146–152, 160–180.

⁴ *Аракчеев В.А.* Опричнина и земщина: к изучению административной практики в Русском государстве 1560–1580-х гг. // *Российская история.* 2010. № 1. С. 21–28.

⁵ Riksarkivet, Stockholm, Ockupation-sarkivetfran Novgorod. Serie 1:2, 1:35.

⁶ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны 1571–1580 гг. М.; Варшава, 1998. С. 202–203.

⁷ Автор выражает признательность А.В. Антонову, высказавшему эту гипотезу в устной беседе. *Archivum Glowne Akt Dawnych w Warszawie. Archivum Zamoyskich*, № 3032, л. 76, 82, 84, 85, 95.

⁸ Дневник Яна Сапеги... С. 81.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 69, 75, 89, 91, 93, 99, 103, 107, 109, 113, 119, 129, 133, 149, 153, 155, 159, 167, 177, 183, 195, 201, 207, 209, 211, 213, 223, 229, 233, 237, 257, 275, 277, 285, 299, 317, 323, 327.

¹¹ Там же. С. 277.

Оксана Ермолаева

Рец. на: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge University Press, 2014. 648 p.*

Oksana Ermolaeva

(Petrozavodsk State University, Russia)

Rec. ad op.: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge University Press, 2014. 648 p.

Монография известного американского историка Альфреда Рибера является итогом его научных изысканий в области «имперской истории» и развивает идеи, высказанные в его предыдущих работах¹. Новизна и оригинальность данного труда заключается в том, что он стал попыткой представить альтернативу традиционной «истории империй», поставив во главу угла проблемы, связанные с приграничными имперскими территориями. Автор представил окраины империй в качестве не только основных источников соперничества, войн и международных конфликтов, но и повлиявших на мировую

историю «геокультурных территорий, где пересекались носители несовместимых идеологий и политических движений – национализма, аграрного популизма и промышленного социализма, создавая гремящую смесь и угрожая имперскому правлению параличом государственной власти, восстаниями, и войнами» (р. 531).

В фокусе исследования находятся пять «континентальных», «евразийских» империй (противопоставляемых «морским», «колониальным») – Российская, Османская, Австро-Венгерская, Иранская и Китайская. Попытки их комплексного анализа уже неоднократно предпринима-

* *Рибер А.* Битва за евразийские окраины: от рождения империй Нового времени до конца Первой мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2014. 648 с.

Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, ГБТ № 653-14.

лись как западными, так и отечественными историкам². Однако для А. Рибера основой в изучении процессов формирования этих империй, механизмов их легитимизации и функционирования, причин их устойчивости и распада стало комплексное рассмотрение так называемых неустойчивых приграничных зон (border shatter zones). Это были созданные империями в ходе их генезиса и дальнейшей экспансии смешанные этнотерриториальные образования, зачастую чуждые «центрам» в культурном, этническом и государственном отношениях.

Автор определяет приграничные территории (borderlands) как очаг нестабильности, отмечая повышенную политическую и миграционную активность их населения, частые этносоциальные конфликты, а также специфический тип пограничной культуры. Более того, возникшие там сложные общества отличались высоким уровнем перекрёстного культурного взаимодействия и сомнительной политической лояльностью (р. 64, 350), а особым приграничным субкультурам была свойственна повышенная криминогенность (р. 72, 357). А. Рибер показывает, как со временем социальные, религиозные и культурные особенности приграничного населения, являвшиеся поводом для сопротивления имперскому правлению, становились почвой для возникновения национализма и стремления к политической автономии (р. 294).

Как следствие, на протяжении всей истории перед правителями империй стояла сложная задача – управления этими землями и их интеграции. Кроме того, существовала ещё одна проблема – продолжительное и сложное соперничество между крупнейшими державами за контроль над обширными смежными окраинными территориями. Исследование всех этих вопросов и стало главной целью автора. Хронологически работа охватывает период XV–XVI (приблизительное время образования империй) – начало XX в. (распад «евразийских» империй в результате Первой мировой войны).

Первая глава монографии «Имперское пространство» посвящена описанию методологии («геокультурному подходу»), а также основным формам взаимодействия

между имперским центром и периферией в ходе становления государственности. К этим формам относятся стратегии имперской экспансии: завоевание, колонизация и ассимиляция, а также реакция покорённого населения, которая варьировалась от открытого сопротивления до приспособления. В частности, А. Рибер подробно характеризует особенности процесса российской колонизации необжитых регионов и приграничных территорий, политики культурной русификации и ассимиляции населения этих земель с помощью религиозных и светских институтов власти (р. 50–58, 105–123, 203–222).

Во второй главе «Имперские идеологии: культурные практики» представлена эволюция «имперских идеологий» и культурных практик, т.е. способы легитимизации власти в империях во временной динамике. Автор отмечает относительно высокий уровень динамизма и гибкости властных элит, обусловивших долговечность империй. На протяжении всего периода их существования поддерживался баланс между светскими и религиозными атрибутами власти, религиозными мифами и церемониальными ритуалами. Анализируя истоки политических культур империй, А. Рибер подчёркивает, что всегда власть предрержащие империй Романовых, Габсбургов, Османов, а также Иранской и Китайской – использовали поддержку религий (православия, ислама, католицизма/протестантизма, конфуцианства). Когда же вызовы Нового времени в виде идей Французской революции, модернизации и национализма существенно начали подрывать стабильность этих держав, религиозные идеи стали вытесняться такими национальными идеологиями, как панславизм, панисламизм, пантюркизм и пангерманизм (р. 119–123, 135–164, 346, 551).

Третья глава «Основы империй: армии, бюрократия и элиты» повествует о том, какие методы стабилизации и укрепления власти правящие элиты использовали в отношении границ и окраин (в частности, показаны институциональные основы имперского правления). Посвятив существенную часть главы анализу отношений между центрами и окраинами империй, автор констатирует, что существ-

вовашее в них управление границами характеризовалось рядом подобных, если не идентичных, проблем и черт. Здесь также описаны попытки имперских властей приспособиться к вызовам Нового времени (техническому прогрессу, секуляризации системы управления) и необходимости конкурировать с ведущими европейскими державами, что проявлялось в проведении политики модернизации, реформ в сфере образования, военной тактики и административного управления (р. 272). При этом внимание А. Рибера сконцентрировано на имперских армиях (и попытках их реформирования), состоянии бюрократии и проводившихся административных преобразованиях. Подробно рассматриваются и механизмы управления окраинными территориями во всех пяти империях последовательно. К этому процессу, как отмечает автор, пытались привлечь местные элиты, а затем ассимилировать их в имперскую бюрократию, но данный эксперимент окончился неудачно (р. 269, 274). Относительно успешными оказались лишь изменения системы управления в Китае, и то благодаря давним культурным традициям (р. 282).

В четвёртой главе «Приграничные столкновения империй» автор описывает непосредственно происходившую между империями «битву за окраины», последовательно рассматривая «горячие точки», расположенные вдоль евроазиатских границ: на Балканах, в Прибалтике, придунайских областях, районах Причерноморской степи, Кавказского узла, Транскаспия и Центральной Азии. Особое место при этом занимают геополитика и международные отношения, вновь охарактеризованные относительно повлиявших на ход мировой истории имперских «приграничных территорий» и их население.

В пятой главе «Кризис империй» анализируются внутренние противоречия, подрывавшие основы мультикультурных империй на фоне распространения идей конституционного правления, народо-властия и последующего подъёма национализма. По мнению автора, именно предпринятые конституционные эксперименты послужили основным катализатором кризисов, почти одновременно разразившихся в начале XX в. в Российской,

Австро-Венгерской, Иранской, Османской и Китайской империях и сопровождавшихся всё возрастающим сопротивлением населения их окраин (р. 424). Выделяя общие черты этих процессов в империях, А. Рибер раскрывает предысторию Первой мировой войны как кульминацию «имперского кризиса приграничных территорий» (р. 442). Он убедительно изображает его как процесс, характеризующийся чередой взаимовлияющих внешне- и внутриполитических факторов (р. 447–469). В частности, в своей оценке «конституционного кризиса» в Российской империи автор не только анализирует сложную внешнеполитическую ситуацию и имперскую экспансию, кризисы и конфликты на окраинах империи в качестве катализатора разрушительных процессов (р. 466, 473–483), но и развивает ранее выработанную им концепцию российского социума как «общества осадочных пород» (*sedimentary society*), в котором из-за многих факторов, возникших в ходе структурных реформ, новые социально-политические институты не заменяли собой старые, отжившие, а наслаивались на них (р. 470).

Заключительная глава «Имперское наследие» демонстрирует, как «устойчивые» (*persistent*) факторы, постоянно провоцирующие состояние «борьбы за приграничные территории», пережив потрясения войны, революции и гражданских войн, стали наследием вновь созданных на руинах империй многонациональных государств (р. 532–533). Анализ этого наследия и преемственности методов управления многонациональных государств своими окраинами в XX в., несомненно, является одной из самых удачных частей работы и придаёт ей дополнительную ценность и актуальность (р. 164–165, 613–617).

Книга А. Рибера не только представляет собой крайне увлекательную историю имперских окраин и воображаемой географии имперских пространств, но и проливает свет на ранее не известные страницы социальной истории элит империй и системы управления ими в сравнительной перспективе. Проведённый автором анализ приграничных окраин евразийских империй как основного фактора их постоянной дестабилизации, а в конечном итоге и распада, представляет

собой ценную модель для будущего изучения мировой истории.

Тем не менее не является ли подобный взгляд на историю некоторым её упрощением? Не умаляет ли автор, ставя во главу угла континентальные империи и их приграничные территории, значение других международных факторов? Ведь для того чтобы определить, являлся ли тот или иной международный кризис исключительно следствием конфликта из-за приграничной территории, или данный конфликт использовался (либо был вызван) для эскалации напряжения, необходимо вникать в тонкости дипломатической истории. Поэтому после прочтения труда А. Рибера эти и многие другие вопросы по-прежнему остаются открытыми для исследователей.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема методологии. Заявленный автором «геокультурный подход» (р. 2) отражает давнее увлечение американских и европейских историков идеями, представленными Школой «Анналов». Также в работе прослеживаются веяния теоретических идей более современных европейских исследователей. Например, в основе концепции колонизации приграничных территорий Российской империи лежат идеи ориентализма в духе Э. Саида (р. 401), при характеристике особенностей имперской бюрократии и администрирования на окраинах империи – власти и бюрократии М. Вебера и Н. Элиаса (р. 166–167), а в повышенном внимании к пространственным аспектам власти и идеологии прослеживаются веяния М. Фуко. В остальном же работа, как и многие другие, написанные в русле компаративного подхода, носит междисциплинарный характер, располагаясь на стыке геополитики и истории – международных отношений, дипломатической, культурной и социальной.

«Геокультурный» подход растворяется в эклектическом материале из прошлого различных европейских и азиатских стран. Само по себе использование этого подхода как объединяющей методологической схемы для географически и культурно обширных и отдалённых друг от друга государственных образований вызывает сомнения. Не слишком ли значительный культурный разрыв лежит, например,

между «восточными» державами (Китай, Порты и Иран) и Австро-Венгрией, чтобы вписывать их в одну схему «евразийских» империй? Представляется, что, несмотря на несомненное сходство их методов управления и жизненного цикла, указанных автором, амбициозность его рабочей модели ведёт всё же к определённому «культурно-идеологическому» упрощению. Так, империя Габсбургов является скорее европейской империей с евразийскими приграничными территориями, а Китайская империя, политическую и культурную «исключительность» которой неоднократно подчёркивает сам А. Рибер (с. 146), совсем не вписывается в его методологическую схему. В то же время в книге детально рассмотрены в качестве участников борьбы за приграничные территории государственные образования, не вписанные в рабочую модель автора, в частности, Польшо-Литовское царство (р. 154). Более того, противопоставление империй «континентальных», «евразийских» «колониальным», «морским» требует пояснения. Непонятно, в чём же заключалась специфика управления приграничными территориями в евразийских империях по сравнению с такими европейскими державами, как Франция или Германия, перед которыми также остро стояли проблемы, связанные с конфликтами, спорами и сепаратистскими настроениями на приграничных территориях. Почему же исключена империя Гогенцоллернов?

Кроме того, следует отметить, что из-за масштабности рецензируемого издания некоторым его частям не хватает глубины. К примеру, в то время как исследователю имперского периода России, вне всякого сомнения, будет крайне интересно ознакомиться с материалом, посвящённым евразийским державам, то сведения, представленные по остальным этапам её прошлого, большинству читателей, скорее всего, покажутся носящими базовый, энциклопедический характер.

Обращает на себя внимание и некоторая перегруженность термином «идеология» применительно к политической жизни империй (р. 108). Однако она отражает опять же модную в современной историографии тенденцию отождествлять имперские политические реалии с тем или

иным идеологическим проектом. Изредка встречается неточность перевода некоторых терминов на английский язык. К примеру, перевод определения «стрельцы» как «musketeers» (р. 201) являет собой явное упрощение, как и понятия «ойкумена» (р. 110). Также несколько обескураживает отсутствие в работе указаний на архивный материал и источники – представлены исключительно опубликованные работы на английском и русском языках.

Тем не менее монографию А. Рибера отличает не только масштабность, но и качественность проведённого им исследования. Здесь представлен огромный фактологический материал, среди которого – интереснейшие факты из истории религии, музыки и политических учений. Более того, изложенное автором – это действительно вдумчивый анализ, который заставляет переосмысливать важнейшие аспекты мировой истории. В книге предлагаются исчерпывающие историографические обзоры по многим проблемам прошлого изучаемых стран (р. 239, 391–392), а оригинальность подхода сочетается с высоким уровнем исследования, что в наши дни считается довольно редким явлением.

Кроме того, отражая последние тенденции в развитии мировой исторической науки (повышенный интерес к региональным вопросам, проблемам взаимоотношений центра и периферии, стабильности многонациональных государственных образований), научный труд А. Рибера ставит новые задачи перед исследователями «имперской проблематики». В частности, это касается важнейшего вопроса – дальнейшего изучения воздействия состояния границ на социальные, культурные, а также политические процессы, происходящие в многонациональных государствах.

Обстоятельный анализ предыстории многочисленных межэтнических, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, а также генезиса и проблем национализма на приграничных евразийских территориях, являвшихся в разные временные периоды «горячими точками» – в частности, на Украине, Кавказе (р. 112–119), Балканах (р. 308–314, 576–580), делает монографию особенно актуальной не только для историков, но и для специалистов в области междуна-

рных отношений и политологии. На примере различных приграничных конфликтов автор затрагивает ещё одну важную тему – их демографических, социальных, религиозных и культурных последствий для населения, показывая, как именно разрушались традиционные устои общества (р. 387–390).

Авторские оценки таких сложных и неоднозначных процессов, как российская колонизация и русификация отдельных регионов радуют своей глубиной и сбалансированностью (р. 466), что свойственно далеко не всем американским исследователям, изучающим историю Российской империи. Также в книге на конкретных примерах убедительно представлено не только динамичное взаимовлияние проходивших в центре и на окраинах империй процессов, но и значение его последствий (р. 166). Для историков важно дальнейшее их изучение. К примеру, каким образом радикализация политических настроений населения окраин распространялась на центральную часть имперского пространства, и как не только западная, но и южная периферия империй (в случае Российской империи – Южный Кавказ) служили переходным звеном в процессе распространения идей национализма, демократии и социализма (р. 222–231, 452–459, 469, 588–602). Описывая рост сопротивления различных этнических групп и радикализацию настроений в приграничных районах империй, А. Рибер выделяет 1890-е гг. как рубеж, после которого деструктивные тенденции и рост национализма значительно усилились и приобрели необратимый характер. Именно для этого периода в некоторых империях, по его мнению, было характерно политическое оформление прежде разрозненных движений (р. 452–459, 465, 503).

Представляет интерес и дальнейшее изучение социального среза приграничного населения по уровню политической активности и радикализации настроений и их связи с реформированием имперских систем образования (р. 228–231). Это позволит показать, как под видом обучения в ведущих университетах Западной Европы проходили подготовку идеологи новых политических веяний, и как именно они претворяли свои идеи на окраинных территориях.

Примечания

¹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. Миллера. М., 2004.

² Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Burbank J.

Frederick Cooper. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010; Империя Романовых и национализм. М., 2006; Миллер А. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны (URL: <http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2>).

Андрей Лотменцев

Рец. на: Петр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 752 с.

Andrey Lotmentsev

(St. Tikhon's Orthodox University, Russia)

Rec. ad op.: Petr II Petrovich Negosh i Rossiya. Russko-chernogorskie otnosheniya v 1830–1850-e gg. Dokumenty. Moscow, 2013. 752 p.

Митрополит Петр Негош известен как правитель Черногории и выдающийся поэт, автор по меньшей мере двух прекрасных произведений – «Слободиада» и «Лучи микрокосма», к сожалению, мало известных русским читателям¹. В данном сборнике освещены его отношения с империей Николая I. Картина получается неоднозначная и очень далёкая от той благостности, которая характерна для представлений о Черногории как верном союзнике России. Следует отметить, что Николай I находился тогда в достаточно сложном положении, стремясь, с одной стороны, в соответствии с традициями, идущими от Петра Великого, оказывать Черногории помощь, а с другой – сохранять после Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. хорошие отношения с Портой.

В каком-то смысле все документы, собранные в книге, можно разделить на несколько основных групп: в первой митрополит просит у России денег и ему их выдают с некоторыми оговорками; во второй – добывается личной аудиенции у Николая I и права приезда для этого в Петербург (тут уже трудности возникают неимоверные: ему обыкновенно не только не дают соответствующего разрешения,

но и не разрешают посещать европейские столицы); к третьей группе следует отнести жалобы соперников владыки, которые всеми возможными способами пытались вызвать у российских дипломатов сомнения в его способностях и честности, выдвигая обвинения в продажности, непопулярности и стремлении к авторитарной власти. Митрополит отвечал тем же. Между строк документов при желании и определённом навыке можно прочесть целый роман с захватывающими интригами и неожиданными сюжетными линиями. Российские, турецкие, австрийские дипломаты по-разному воспринимали положение Черногории. При этом экзерсисы венской бюрократии сочетаются в сборнике с уклончивостью османских чиновников и неподконтрольных им пашей, имевших подчас гораздо большее влияние, а позиция К.В. Нессельроде, неизменно проявлявшего «мудрую проницательность», наталкивается на дикость племён, которые могли бы прожить «в отдалённых азиатских частях».

Читатель, скорее всего, проникнется сочувствием к судьбе Петра, в 16 лет неожиданно-негаданно наследовавшего своему дяде и ставшего вскоре предстоятелем Поместной Церкви и одновременно главой